https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.160.165

Наталья Александровна Берсенева[1]
[1]Институт истории и археологии УрО РАН,
Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия; bersnatasha@mail.ru

Женские погребения ранних кочевников Южного Урала: манифестация социальных ролей*

Статья посвящена реконструкции социальных ролей женщин в обществах ранних кочевников Южного Урала (конец VI – III в. до н. э.) путем анализа данных погребальных памятников. Проведенный анализ позволил заключить, что женские социальные роли были достаточно многочисленны, и, кроме традиционных женских ролей жены/наложницы, матери и хозяйки, в могильниках манифестированы роли женщин – ритуальных специалистов и женщин, возможно, принимавших участие в военных конфликтах. Судя по распределению артефактов согласно возрасту покойных, группа женщин, умерших в возрасте от 25 до 35 лет, имела самый разнообразный погребальный инвентарь. На эту группу приходится большинство погребений с украшениями, предметами вооружения и зеркалами. Вероятно, именно на этот возраст приходился пик социальной активности женщин, что и было отражено в составе погребального инвентаря.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, женские погребения, социальные роли

Наталья Александровна Берсенева[1]
[1]РҒА ОБ Тарих және археология институты,
Оңтүстік Орал мемлекеттік университеті,
Челябинск, Ресей

Оңтүстік Оралдың ерте көшпелілерінің әйелдер жерлеу орындары: әлеуметтік рольдер манифестациясы

Мақала жерлеу ескерткіштері мәліметтеріне талдау жасау арқылы Оңтүстік Оралдың ерте көшпелілері қоғамындағы (б.д.д. VI ғ. соңы – III ғғ.) әйелдердің әлеуметтік орнын реконструкциялауға арналады. Жүргізілген талдаулар әйелдердің әлеуметтік рөлі әр түрлі болғандығын, яғни әдеттегідейі әйел/күң, ана және үйбике рөлдерінен басқа қорымда әйелдердің ғұрып саласы маманы мен жауынгер екендігін айқындайтын мәліметтер алынды. Жәдігерлердің марқұмдардың жасына қарай кездесуін саралай отырып, 25-тен 35 жасқа дейінгі жаста қайтыс болған әйелдер топтары сан алуан жерлеу заттарына ие екендігі, әшекейлер, қару-жарақтар және айналар табылған жерлеу орындарының көпшілігі осы топқа тиесілігі анықталды. Әйелдердің әлеуметтік белсенділігінің шырқау шегі осы жасқа сәйкес келуі мүмкін және ол жерлеу заттарының құрылымынан байқалады.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал, ерте көшпелілер, әйел жерлеуі, әлеуметтік рөлдер

© 2023 г. Берсенева Н.А.
**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253,* https://rscf.ru/project/22-28-20253/

Female Burials of the Early Nomads in the Southern Ural: Manifestation of Social Roles

Natalia Berseneva[1]
[1]Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS,
South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

The article concerns the reconstruction of the women's social roles in the societies of the Early nomads in the Southern Urals (the end of the 6th–3rd centuries BC) by analyzing the data of funerary sites. The analysis allows us to conclude that female social roles were quite numerous, and, in addition to the traditional female roles of wife/concubine, mother and mistress, the burial grounds manifested the roles of female ritual specialists and women who may have taken part in military conflicts. Judging by the distribution of artifacts according to the age of the deceased, group of women who died at the age of 25 to 35 had the most diverse grave goods, this group accounts for the majority of burials with decorations, weapons and mirrors. Probably, the peak of the social activity of women fell at this age, which was reflected in the composition of the grave goods.

Keywords: Southern Urals, Early nomads, female burials, social roles

Социальные роли женщин ранних кочевников Евразии стали предметом интереса ученых достаточно давно – в первой половине XX в., несмотря на то, что само понятие *социальных ролей*, связанное с социологией, вошло в археологический научный обиход гораздо позднее. Разнообразие погребального инвентаря в женских погребениях эпохи раннего железа заставило ученых задуматься как минимум о существовании женщин-воительниц и женщин-жриц (см. подробнее: [Яценко 2007; Богаченко 2017]). Возможна ли реконструкция социальных ролей на основании археологического источника? На материалах ранних кочевников Южного Урала ранее на этот вопрос попыталась ответить А.Х. Гильмитдинова [2016]. Согласно ее результатам, наиболее многочисленной является «группа женских захоронений со стандартным женским инвентарем (украшения, предметы туалета/культа) (83%)» [Гильмитдинова 2016: 68]. В 17% погребений из выборки А.Х. Гильмитдиновой были выявлены предметы вооружения. Автор делает вывод о важной роли женщин в «хозяйственно-бытовой» деятельности кочевых обществ эпохи раннего железа [Гильмитдинова 2016: 68]. В данной работе мы хотели бы расширить и дополнить выводы наших предшественников, так как поднятая тема является сложной и все еще недостаточно изученной.

Мы исходим из предположения, что погребальный инвентарь хотя бы частично являлся собственностью покойных и, следовательно, может отражать персональные характеристики усопшего, в том числе и род его занятий при жизни. Безусловно, реконструкция социальных отношений в дописьменный период истории представляет собой немалую проблему. Современной археологией признается принципиальная возможность исследования пола (гендера) и связанных с ним социальных ролей через материальные культуры. Наиболее информативными в этом аспекте считаются погребальные памятники, так, как только там мы имеем дело непосредственно с индивидами. Гендер умершего может быть отражен в археологическом источнике через локализацию погребения в пространстве, его структуру, состав сопроводительных артефактов, следы ритуальных действий (жертвоприношения) [Nelson 1997: 58–64]. При этом, если первые две позиции могут не иметь гендерного оттенка, размещение артефактов в погребении по гендерному признаку является одним из немногих аспектов, хорошо фиксирующихся археологически. Как правило, эти артефакты ассоциируются с конструкцией «женственности» или «мужественности», принятой в обществе, и могут символизировать социальные роли, исполняемые индивидами различного пола.

Цель данной работы – попытка реконструировать социальные роли женщин эпохи ранних кочевников Южного Урала (конец VI – III в. до н. э.) путем анализа данных погребальных памятников. В данной работе были учтены погребения с идентифицированным полом и возрастом, в которых принадлежность погребального инвентаря и жертвоприношений конкретному индивиду не вызывала сомнений. Всего выборка составила 195 женских захоронений из раннесарматских могильников Южного Урала (Приуралье и Зауралье).

Для анализа были отобраны непотревоженные или частично потревоженные погребения женщин

(175 захоронений), возраст которых на момент смерти превышал 15 лет.

Анализ погребального инвентаря показал, что наиболее массово в женских погребениях встречаются украшения. Это, разумеется, не новость для исследователей. Украшения символизируют женский пол (гендер) умершей, а также ее высокий социальный статус, особенно, если эти украшения из драгоценных металлов и/или искусной работы. Кроме того, декор одежды и тела в традиционных обществах является, как правило, семантически нагруженным и может символизировать стадии жизненного цикла женщин, служить оберегом (защищать различные части тела), демонстрировать семейное (брачное) положение или родственные связи. Погребения **с украшениями** составили 69,7% (122 индивида) от всех непотревоженных женских погребений из нашей выборки, они встречаются в захоронениях женщин всех возрастов вплоть до старческого.

Самым распространенным украшением являлись бусины из различных материалов и украшения, собранные из них (100 индивидов, 82% от всех женских погребений с украшениями), далее по степени встречаемости следуют серьги и браслеты (42 (34,4%) и 41 (33,6%) случаев соответственно). Гривны, подвески, перстни, височные кольца и другие украшения крупных серий не составляют. Распределение украшений по возрастным группам демонстрирует, что чаще всего с украшениями погребали умерших в возрасте 25–35 лет женщин (69,8%). Для остальных возрастных групп погребения с украшениями составляют около 50%.

Вероятно, количество и богатство декора зависели в первую очередь от вертикального статуса и имущественного положения умершей, нежели от ее возраста. Можно предположить, что как раз украшения символизировали традиционную для женщин роль жены (наложницы?), матери или домохозяйки.

Относительно небольшая часть женщин была погребена **с предметами вооружения.** Захоронения женщин с предметами вооружения были обнаружены практически во всех крупных могильниках, как в элитных (например, «царские» курганы могильника Филипповка I), так и в рядовых курганах. Они располагались и в центральной части, и на периферии подкурганных площадок. Женские захоронения с оружием составляют, по последним подсчетам, около 12% всех известных сарматских женских погребений Уральского региона (24 индивида) [Berseneva 2022: 100]. Распределение предметов вооружения по возрастным группам выглядит следующим: большинство составили погребения женщин молодого и среднего возраста (25–35 лет), относящихся к категории *adultus* – 17 умерших (70,9%). Пять захоронений принадлежали старшим женщинам – от 35 до 55 лет (20,8%) и два – молодым (до 25 лет) (8,3%). Нужно отметить, что во всех захоронениях присутствуют украшения, как металлические, так и изготовленные из стеклянных или каменных бусин, которые дополнительно маркировали женский гендер умерших.

Предметы вооружения в женских захоронениях представлены в абсолютном большинстве случаев наконечниками стрел (22 погребения, 91,6%). Как правило, стрелы находились в колчанах, дополненных колчанными крюками. Особенностью погребений из Южного Зауралья можно считать очень серьезное количество стрел в колчанах (до 200 экземпляров) – это, пожалуй, самые крупные колчанные наборы из раннесарматских женских погребений в Волго-Уральском регионе (Кичигино I, одиночный курган Яковлевка II) [Berseneva 2022: Table]. Лишь в двух погребениях (могильник Шумаевский II) наконечники стрел отсутствовали, а умершие сопровождались мечом, кинжалом и копьем. В целом, помимо наконечников стрел, в исследуемых захоронениях всего обнаружено четыре железных кинжала, меч, стилет и два наконечника копья. Они были помещены в погребение преднамеренно и представляли собой боевое оружие.

Представляется, что женщины ранних сарматов, несомненно, умели обращаться с оружием дистанционного боя, а некоторые, вероятно, и с клинковым оружием ближнего боя. Жизнь подвижных скотоводов была полна опасностей, и владение навыками обращения с оружием повышало шансы на выживание и женщины, и ее потомства. Можно также предположить, что часть женщин могли быть тренированы как лучницы и принимать участие в военных действиях или рейдах.

Погребения женщин с так называемыми **предметами культа**, куда обычно относят, кроме каменных алтариков-жертвенников и бронзовых зеркал, разнообразные предметы неизвестного назначения – раковины, камешки, кусочки мела, остатки красок, астрагалы и много другое, должны являться предметом более масштабного исследования и будут затронуты в данном исследовании лишь частично. Иногда эти предметы находят лежащими компактно или уложенными в мешочек или иной контейнер. Часто их

находят рядом с зеркалами или каменными жертвенниками. Нами было проведено исследование погребений с зеркалами, из которых подавляющее большинство являлись погребениями женщин [Берсенева 2022]. Выборка составила 90 погребений. Согласно половозрастным определениям, 75 из 90 погребений с зеркалами принадлежали женщинам (83,3%), 11 – мужчинам (12,2%) и лишь четыре (4,5%) – детям. Одним из вопросов нашего исследования был следующий: можно ли считать зеркала предметом культа? Анализ контекста захоронений показал, что зеркало было полифункциональным артефактом и, кроме основной функции предмета туалета, действительно могло иметь и ритуальное значение, так как в половине погребений женщин с зеркалами (46%) присутствовали также и перечисленные выше «предметы культа».

Кросс-культурно многие народы приписывали зеркалам и другим отражающим поверхностям различные магические свойства. Сложнее найти археологические свидетельства использования зеркал в ритуальной деятельности. Имеются достоверные примеры преднамеренно разбитых зеркал; кроме того, зеркала часто располагаются рядом с «предметами культа» или наборами для нанесения красок или татуировок в пространстве погребального сооружения. Во всех четырех известных на настоящий момент погребениях так называемых татуировщиц зеркала помещали рядом с наборами для нанесения татуировок [Yablonsky 2017]. В савроматское и сарматское время зеркала иногда встречаются в одном комплексе с каменными жертвенниками (в нашей выборке – 11 случаев, все в женских погребениях), артефактами, также относимыми к предметам культа, несмотря на разнообразие трактовок их функций.

Возможно, что зеркало использовалось для разного рода гаданий или заговоров, судя по различным камешкам, галькам, астрагалам, кусочкам красителей, мелу, костям зайца и прочим загадочным предметам, обнаруженным рядом с зеркалами. Например, погребение 5 в кургане 3 Кичигино I (пожилая женщина), вероятно, являлось захоронением ритуального специалиста [Таиров и др. 2008]. Возраст умершей, явно высокий социальный статус, набор загадочных по своему назначению предметов (кусочек горного хрусталя, человеческий зуб) и даже ее состояние здоровья (заболевание позвоночника, отсутствие кисти левой руки) позволяют предположить, что эта женщина занималась отправлением каких-либо культов, не только домашних, но и для всего коллектива ранних кочевников, чьи захоронения обнаружены в курганах у с. Кичигино.

Следует добавить, заключая тему зеркал, что лишь в одном мужском погребении из всей выборки зеркало соседствовало с предметами культа, поэтому можно предположить, что зеркала в культовых целях использовали только женщины.

Заключение

Судя по наличию *украшений* в большинстве женских захоронений, они были важной частью не только женского костюма, но и социальной жизни женщины, маркером ее статуса. Сочетание украшений и предметов туалета в погребении может говорить о чисто женской социальной роли домохозяйки, жены (или наложницы), возможно, матери.

Погребения с *предметами вооружения* не составляют большой серии или монолитной социальной группы (*воительницы*), но могут отражать участие небольшой части женщин в военных действиях или рейдах, либо как минимум тот факт, что эти женщины умели обращаться с оружием.

Погребения с разнообразными *предметами культа* могут свидетельствовать о роли женщины как ритуального специалиста (жрицы, шаманки – мы не знаем точно) разного уровня – от отправления домашних культов и гаданий, до, возможно, выполнения обрядов на уровне больших коллективов или объединений кочевников.

Разнообразный и богатый погребальный инвентарь, включающий дорогие импортные предметы и посуду, особенно из элитных захоронений, представляет большие возможности для интерпретации. Женщины, находящиеся на вершине социальной пирамиды ранних кочевников (для примера приведем погребение 2 из кургана 1 могильника Филипповка 1 [Yablonsky, Treister 2019]), могли выполнять некие дипломатические или представительские функции, руководить религиозными церемониями. Их похороны были не менее пышными, чем похороны мужчин равного с ними социального статуса.

Судя по распределению артефактов согласно возрасту покойных, группа женщин, умерших в возрасте от 25 до 35 лет, имела самый разнообразный погребальный инвентарь; на эту группу приходится большинство погребений с украшениями, предметами вооружения и зеркалами. Вероятно, именно в этом возрасте женщины находились на пике социальной активности, что и было отражено в составе погребального инвентаря.

Таким образом, археологический материал дает возможность говорить о нескольких женских социальных ролях, которые нашли отражение в погребальном обряде. Нужно осознавать, что в реальной жизни социальных ролей могло быть намного больше, но в погребальной сфере манифестировали лишь некоторые, которые мы и попытались реконструировать в данном исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Берсенева Н.А. Зеркало в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала: маркер гендера или статуса, предмет культа или быта? // StratumPlus. 2022. № 3. С. 159–170.

Богаченко Т.В. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017. 267 с.

Гильмитдинова А.Х. Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и актуальные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Международной научной конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2016. С. 66–69.

Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования курганного могильника Кичигино в 2007 году (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы Международной научной конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (г. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2008. С. 139–145.

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. – II в. н. э.) // Народы и религии Евразии. 2007. № 1 (1). С. 58–66.

Berseneva N. Female Burials with Weapons in the Early Nomadic Kurgansin the Southern Urals (Late 5th to 2nd Centuries BC) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2022. № 1 (50). С. 99–105.

Nelson S.M. Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige. Walnut Creek: AltaMira Press, 1997. 197 p.

Yablonsky L.T. The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia // Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing / Eds. L. Krutak, A. Deter-Wolf. Washington: University of Washington Press, 2017. P. 215–230.

Yablonsky L.T., TreisterM. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. № 25. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2019. P. 79–161.

REFERENCES

Berseneva, N. A. 2022. In: *Stratum Plus*, 3, 159–170 (in Russian).

Bogachenko, T. V. 2017. *Istoricheskie osnovy skazaniy o zhenschinah-voitelnitsah yuzhnorusskih stepey (Historical foundations of stories about women warriors of the southern Russian Steppes)*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University (in Russian).

Gilmitdinova, A. K. 2016. In: Yablonskiy, L. T., Kraeva L. A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i aktualnye problemy sarmatskoy arkheologii (Konstantin Fedorovich Smirnov and current problems of Sarmatian archaeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 66–69 (in Russian).

Tairov, A. D., Botalov, S. G., Pleshanov, M. L. 2008. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Uralskogo regiona (Early nomads of the Volga-Ural region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 139–145 (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2007. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, 1, 58–66 (in Russian).
Berseneva, N. 2022. In: *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 1 (50), 99–105 (in English).
Nelson, S. M. 1997. *Gender in Archaeology. Analyzing Power and Prestige*. Walnut Creek: AltaMira Press (in English).
Yablonsky, L. T. 2017. In: Krutak, L., Deter-Wolf, A. (eds.). *Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing*. Washington: University of Washington Press, 215–230 (in English).
Yablonsky, L. T., Treister, M. 2019. In: *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 25. Leiden: Koninklijke Brill NV, 79–161 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.